

Э 39
455

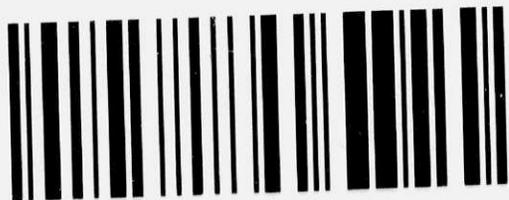
801-14
993

38294-0

КАКЪ СЛѢДУЕТЪ ДѢЛАТЬ КОМНАТНЫЯ «ЕЧЫ»?

Неисповѣдимыми судьбами занесенные въ холодный климатъ, мы остаемся закупоренными въ продолженіе почти двухъ третей года. Въ такихъ обстоятельствахъ мы должны, казалось бы, знать отлично, какъ нужно нагрѣвать наши жилища и какъ очищать въ нихъ воздухъ въ долгій періодъ зимняго нашего затворничества; но мы отлично всего этого не знаемъ, и для отопленія и для вентиляціи принимаемъ такія мѣры, которыя можно назвать скорѣе выраженіемъ намѣренія, а уже никакъ не настоящими мѣрами, могущими вполнѣ удстветворить чувствуемую потребность. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ общественныхъ заведеніяхъ, присутственныхъ мѣстахъ, клубахъ и проч. вставляютъ въ стѣны, подъ потолками, колеса, которыя вертятся то въ ту, то въ другую сторону; а въ комнатахъ все-таки душно. Колеса

2011094693

эти вставляются въ трубы, выходящія наружу; слѣдовательно тотъ, кто вставляетъ ихъ, думаетъ, что воздухъ непременно устремится по приготовленному для него пути, завертитъ колесо и понесется въ трубу. Благонамѣренные распорядители, вставляющіе воздушныя колеса, не принимаютъ въ соображеніе того, что колесо, а за нимъ труба составляютъ только путь, приготовленный для выхода воздуха, точно также какъ кошелекъ есть мѣсто, приготовленное для храненія денегъ; но если мы не позаботимся приобрѣсти чего-нибудь для храненія въ кошелекѣ, то онъ будетъ оставаться пустымъ: точно также и колесо съ трубой останутся недействительны, если мы не употребимъ какого-нибудь стимула, чтобы заставить воздухъ идти туда, куда мы желали бы, чтобы онъ пошелъ.

Частные люди въ роскошныхъ кабинетахъ своихъ вставляютъ вентиляторы Клифуса, Сангалли, Бартцига и иныхъ слесарей-механиковъ, дѣлаютъ въ оконныхъ рамахъ разнаго рода отдушины; но всѣ эти прилаживанья не приносятъ почти никакой пользы. Родители, имѣющіе много дѣтей и много комнатъ, дѣйствуютъ рѣшительнѣе: они открываютъ форточки въ окнахъ дѣтскихъ комнатъ, отсылая дѣтей навремя въ другія комнаты, и когда воздухъ въ дѣтскихъ очистится и согрѣет-

ся, то маленькихъ жильцовъ возвращаютъ на ихъ зимнія квартиры. Каково же дѣтямъ тѣхъ родителей, которымъ не дано въ удѣлъ не только многихъ, но даже и двухъ комнатъ! А срокъ зимнихъ квартиръ въ нашемъ климатѣ одинаково длиненъ для всѣхъ, какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ. Отъ теплыхъ дней осени до теплыхъ дней весны сидятъ взаперти дѣти тѣхъ родителей, которые не желаютъ знакомиться съ коклюшами, крупами, жабами и прочими бѣдами, свойственными нашему климату.

Форточка въ дѣлѣ вентиляціи есть средство самое рациональное. Открывъ ее, мы, не болѣе какъ чрезъ 5 минутъ, начинаемъ уже чувствовать, что воздухъ въ комнатѣ становится чище; но зато дѣйствіе форточки убійственно для здоровья: быстрое охлажденіе комнаты производитъ простуды. Наименѣе безвредная вещь—это вентиляторы, вставляемые подъ потолками: безвредная потому, что слабо охлаждаетъ комнату, но и бесполезная, потому что вовсе почти не очищаетъ воздуха. Если бы вентиляторъ очищалъ воздухъ, то онъ въ то же время непременно охлаждалъ бы комнату. Допуская дѣйствіе вентилятора, мы должны допустить и охлажденіе, по слѣдующимъ соображеніямъ. Воздухъ, какъ тѣло, занимающее извѣстное пространство нашей комнаты, не можетъ улетѣть изъ нея въ

вентиляторъ и оставить послѣ себя пустоту. Улетѣвшее количество воздуха мгновенно замѣщается совершенно равнымъ количествомъ другого воздуха, влетѣвшаго въ комнату. Если мы допустимъ, что влетѣвшій воздухъ пробрался сквозь щели оконъ, то не можемъ не согласиться, что вентиляторъ равенъ форточкѣ по дѣйствию, хотя и не равенъ ей по результатамъ: охлажденіе происходитъ — только въ меньшей степени; если же мы, защищая достоинство вентилятора, будемъ утверждать, что воздухъ влетѣлъ изъ сосѣдней комнаты, то мы не можемъ не согласиться, что въ сосѣднюю комнату вмѣсто его влетѣло откуда-нибудь равное ему количество. Восходя по пути этого перемѣщенія въ цѣлой системѣ комнатъ нашей квартиры, мы прійдемъ же наконецъ къ источнику, т. е. къ той комнатѣ, откуда перемѣщеніе началось. Предположивъ квартиру, въ которой кухня находится въ непосредственной связи съ чистыми комнатами, мы не можемъ не допустить, что вентиляторъ нашъ потянетъ къ намъ запахъ изъ кухни, а эта послѣдняя, растративъ свой запахъ на снабженіе имъ чистыхъ комнатъ, получитъ вознагражденіе сквозъ дверь, ведущую наружу, т. е. на черную лѣстницу, гдѣ мы встрѣчаемся опять съ охлажденіемъ, да сверхъ того еще съ неприятнымъ запахомъ. Теперь пойдемъ въ луч-

шую квартиру, гдѣ кухня находится или за черною лѣстницей, или въ другомъ этажѣ, даже въ другомъ флигелѣ. Въ этой лучшей квартирѣ мы освобождаемся отъ вліянія кухни, но встрѣчаемся опять съ неизбѣжнымъ охлажденіемъ. Законы природы исполняются точно и неизмѣнно: то, что вентиляторъ проглотитъ, должно быть непременно возмѣщено въ пространствѣ, питающемъ его, т. е. въ системѣ комнатъ нашей квартиры. Вспомнимъ, что квартира наша нагрѣвается голландскими печами и кромѣ ихъ никакихъ другихъ теплыхъ источниковъ она не имѣетъ; слѣдовательно, если вентиляторъ втянетъ въ себя что-нибудь, то это втянутое будетъ непременно воздухъ, нагрѣтый добрыми нашими голландскими печами, и вмѣсто этого воздуха мы получимъ холодъ, непременно холодъ, потому что вентиляція нужна намъ именно зимой, а лѣтомъ мы безнаказанно можемъ открыть не только форточку, но и все окно.

Намъ случалось встрѣчать людей образованныхъ и даже ученыхъ, которымъ физика далеко не чужда, а свойства воздуха и теплоты извѣстны въ совершенствѣ, и эти-то почтенные господа, пресеріозно рассуждая о вентиляціи, спорятъ о преимуществѣ вентиляторовъ, вставленныхъ въ стѣны подъ потолками, предъ колесами, вставляемыми въ верхнія стекла

оконныхъ переплетовъ, тогда какъ въ сущности оба эти средства совершенно одинаковы, т. е. они уносятъ нагрѣтый комнатный воздухъ, вмѣсто котораго является холодъ съ улицы, приносящій съ собою иногда какой-нибудь запахъ, если на пути перемѣщенія его отъ улицы до вентилируемой комнаты находились пространства, вмѣщающія постоянно такой запахъ, котораго мы желали бы избѣжать. Сужденія упомянутыхъ нами ученыхъ доказываютъ только, что глубокое знаніе предмета въ теоріи и умѣнье примѣнить это знаніе къ практикѣ суть вещи неодинаковыя. Ученый знаетъ физику основательно, а вентиляціи устроить не можетъ, потому что не знаетъ, какъ надо распорядиться ему съ своимъ домомъ, чтобы извѣстные законы физики были примѣнены и исполнялись просто, безъ всякой хитрой механики.

Изъ того, что мы сказали, догадаться можно, что намъ хотѣлось бы напустить въ свою комнату чистаго воздуха, но въ то же время и не охладить ее. Для исполненія такого желанія намъ нужно ухитриться нагрѣть чистый воздухъ прежде нежели онъ войдетъ въ нашу комнату. Вотъ задача, къ рѣшенію которой мы пробираемся.

Давъ себѣ такую задачу, намъ необходимо обратить вниманіе на одно очень важное явленіе, совершающееся въ природѣ.

Хотя это явленіе и извѣстно каждому просвѣщенному человѣку, но такъ какъ мы сказали выше, что и ученому человѣку надо иногда заняться практикой, чтобы примѣнить свои знанія и достигъ желаемыхъ результатовъ, то мы и позволимъ себѣ поговорить съ читателемъ о явленіяхъ самыхъ обыкновенныхъ, совершающихся ежедневно въ его глазахъ, особенно зимою, но не привлекающихъ его вниманія, направленаго къ иной дѣятельности. Кому изъ насъ не знакома лампа со стеклянной трубкой? Обратите вниманіе, какъ стремительно воздухъ поднимается изъ стеклянной трубки, и какой горячій воздухъ! Если мы освѣщаемъ одною лампой небольшую комнату, то мы не можемъ не замѣтить, что отъ нея температура комнаты въ продолженіе зимняго вечера значительно повышается. И не мудрено: верхнее отверстіе стеклянной трубки дѣйствуетъ какъ душникъ. Читатель скажетъ, что воздухъ поднимается оттого, что лампа горитъ, и мы съ нимъ очень вѣжливо согласимся; но, приурочивая наше наблюденіе къ предмету, о которомъ ведемъ рѣчь, мы скажемъ: воздухъ поднимается изъ стеклянной трубки лампы, оттого, что онъ нагрѣвается и чрезъ то дѣлается легче остальнаго наполняющаго нашу комнату воздуха; слѣдовательно нагрѣваніе воздуха есть средство (стимуль) заставить воздухъ подни-

маться. Такъ мы замѣтимъ себѣ на память, что *воздухъ, нагреваясь, разрѣшается, дѣлается легче и вслѣдствіе этого поднимается.*

Примѣняя это вовсе не новое явленіе къ вентиляціи, читатель начинаетъ уже, кажется, усматривать великія блага, которыя изъ нагреванія какъ средства ему можно извлечь для своей квартиры: нагревая воздухъ, можно заставить его подниматься куда намъ угодно, а намъ, разумѣется, угодно, чтобы чистый воздухъ поднимался въ нашу квартиру, и это намъ тѣмъ пріятнѣе, что онъ нагревъ, слѣдовательно не такой, какъ намъ даютъ форточки, а слѣдовательно его можно впустить и въ кабинетъ, и въ спальню, и даже въ дѣтскую. Можно, почтенный читатель, можно, но только вы не забывайте, что воздухъ, вылетѣвшій изъ стеклянной трубки лампы, перестаетъ быть чистымъ, потративъ на поддержаніе горѣнія одну изъ живительнѣйшихъ для насъ составныхъ частей — кислородъ; слѣдовательно, если бы мы захотѣли ввести въ нашу комнату чистый воздухъ, нагревая его такимъ жгучимъ аппаратомъ, какъ лампа, то портили бы его прежде его появленія въ нашей комнатѣ. Кто жъ этого не пойметъ? Само собою разумѣется, что мы будемъ нагревать внѣшній воздухъ не лампой и не горячимъ желѣзомъ, а такимъ

аппаратомъ, который будетъ дѣйствовать умѣренно, не будетъ нарушать въ воздухѣ естественное его соединеніе, а паче всего не будетъ уменьшать количество содеражимаго имъ кислорода.

Уразумѣвъ, что нагреваніемъ можно потянуть воздухъ куда угодно, мы должны непременно подумать, какимъ бы манеромъ получше нагревъ его, и, разумѣется, мы не придумаемъ ничего болѣе удобнаго, какъ печь. Для нагреванія воздуха дѣйствительно нужна печь, и притомъ очень не хитрая печь; но сдѣлать-то ее надо такъ, какъ наши печники не привыкли дѣлать. Посмотрите, читатель, повнимательнѣе на печь, служащую для нагреванія той комнаты, гдѣ вы читаете эти строки, и вы убѣдитесь, что ее похвалить нельзя уже за одно то, что мы, сжигая въ ней дрова, не получаемъ отъ нея того количества теплоты, какое сгорѣвшія дрова ей дали, или могли ей дать, если бы она была сдѣлана потщательнѣе и была способна принять всю ту теплоту, которая въ нее входила во время горѣнія дровъ. Однимъ словомъ, печь эта напоминаетъ тотъ пряникъ, которымъ лакомится въ праздникъ печникъ, сдѣлавшій ее. Пряника этого мы съ вами, читатель, въ ротъ не возьмемъ, не смотря на то, что онъ недорого стоитъ, а печникъ, кусая пряникъ, думаетъ, что это лакомство и намъ съ вами годится точно

также, какъ годится намъ и печь, которую онъ сдѣлалъ и лучше которой онъ сдѣлать не умѣетъ; мы же въ свою очередь думаемъ, что пряникъ его положительно намъ не годится, а печь мы должны сносить, ибо лучшей намъ негдѣ взять. Требования наши очень умѣренны: пусть печникъ нашъ будетъ круглый невѣжда и кушаетъ пряники самага отвратительнаго свойства, но когда онъ принимается за свое дѣло, то пусть онъ дѣлаетъ его какъ долгъ велитъ, т. е. чисто, аккуратно, а не кое-какъ. Мы знаемъ въ Петербургѣ одного только печнаго мастера *), который способенъ сдѣлать такія печи, которыя не только напитають ваши комнаты теплымъ и чистымъ воздухомъ, но даже искореняють въ нихъ сырость, буде таковая завелась. Казалось бы, что на такую столицу, какъ Петербургъ, одного мастера мало, однакожь мы видимъ, что достаточно и одного, потому что хотя у единственнаго нашего мастера много работы, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ ею заваленъ; слѣдовательно что жъ бы дѣлали другіе мастера, если бы они и были налицо? Публика довольствуется тѣмъ, что ей даютъ, не ропщетъ — ну и слава-Богу. Хорошая печь стоитъ хорошихъ денегъ, а въ Петербургѣ домохозяева не любятъ баловать своихъ

*) И. Е. Циценниковъ. Большая Мастерская. 14.

жильцовъ; жильцы же, можетъ быть, и готовы были бы заплатить свои деньги, но они знаютъ физику и не умѣютъ приложить ее къ практикѣ, чтобъ этимъ путемъ дойти до познанія того блага, какое можетъ имъ доставить хорошо сдѣланная печь.

Кто бывалъ въ Германіи зимой, тотъ не могъ не замѣтить тамошнихъ комнатныхъ печей. Онѣ сдѣланы чисто, аккуратно, словомъ сказать — печи нѣмецкой работы, но въ Германіи даже двойныя рамы въ окнахъ не въ большомъ употребленіи; слѣдовательно какую же службу отправляютъ тамъ комнатныя печи, когда въ нихъ нѣтъ почти кирпича, а одни только изразцы? Если утромъ вы истопите слегка такую печь, то она нагрѣетъ комнату такъ скоро и такъ усердно, что вамъ захочется зимой окно раскрыть, а къ обѣду она потеряетъ уже совершенно впечатлѣніе вашей утренней съ нею продолжки, и если въ это время прійдетъ къ вамъ гость, то она не внушитъ ему ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что утромъ ее топчили.

Не то нужно намъ на сѣверѣ.

На сколько нѣмецкая печь чувствительна къ впечатлѣніемъ топки, на столько наша голландка нечувствительна. Какую охапку дровъ — чуть не въ пудъ вѣсомъ — ни ввалятъ въ нее, а вы почувствуете отъ нея теплоту не раньше, какъ чрезъ часъ

и даже чрезъ два по окончаніи топки. Въ нѣмецкой печи почти нѣтъ кирпича, а въ нашу голландку его запрячутъ штукъ до 700, да сверхъ того еще одѣнутъ ее изразцами, не нѣмецкими изразцами, а нашими, съ ящичками (рюмками) назади, наполненными глиной и осколками кирпича. Сколько нужно огня, чтобы прогрѣть эту массу, которая, нужно замѣтить, не такъ плотно сложена, чтобы способна была принять теплоту.

Намъ нужны печи не такія жиденскія, какъ дѣлаются въ Германіи, а поплотнѣе, но и не такія неуклюжія массы, какими угощаютъ насъ наши печные мастера. Весь объемъ нашихъ печей состоитъ, какъ извѣстно, изъ трубъ (оборотовъ), по которымъ огонь и дымъ во время топки проходятъ, нагрѣваютъ ихъ и потомъ вылетаютъ въ дымовую трубу. Обороты стоятъ въ печи вертикально и сплошной массой, какъ ячейки въ ульѣ. Они раздѣлены кирпичными стѣнками; слѣдовательно, накаленные во время топки, они грѣютъ другъ друга. Отъ этого въ печи бываетъ очень жарко, а комната, въ которой стоитъ печь, остается иногда ненагрѣтою. Если же при раздѣленіи оборотовъ не ограничиваться однѣми кирпичными разгородками, а проводить каждый оборотъ отдѣльной трубой и между этими трубами образовать небольшое пространство, то печь слѣдуетъ сло-

жить такъ, чтобы въ это пространство можно было пропустить воздухъ наружный, холодный, который будетъ нагрѣваться въ нѣдрахъ печи, сдѣлается легче и станетъ устремляться къверху, а мы тутъ-то и приготовимъ для него, въ видѣ душника, выходъ въ комнату. При такомъ устройствѣ печи, воздухъ будетъ влетать въ комнату до тѣхъ поръ, пока печь сохранитъ малѣйшую теплоту; а она можетъ сохранить ее долго, потому что въ ней будетъ кирпичъ, а не одни изразцы, какъ въ нѣмецкихъ печахъ. Обороты внутри печи можно располагать не вертикально, какъ это дѣлается обыкновенно, а горизонтально ярусами, по два въ каждомъ ярусѣ по длинѣ печи. Тогда изъ пространствъ между ярусами можно образовать поперекъ печи зигзагомъ особый каналъ, по которому холодный воздухъ, проходя мимо всѣхъ ярусовъ, будетъ нагрѣваться. Обороты въ такихъ печахъ слѣдуетъ дѣлать не болѣе 15 квадратныхъ вершковъ, т. е. 3 вершка въ вышину и 5 въ ширину. Соображаясь съ такими размѣрами оборотовъ, нужно дѣлать и топочныя дверцы, и топочную камеру, и вьюшку также небольшія, не смотря на то, что печь будетъ имѣть порядочные размѣры. Для разгородокъ между оборотами употреблять одинъ клинкеръ, а въ раздѣленіи между ярусомъ дымовыхъ ходовъ и воздухонагрѣвательнымъ каналомъ

власть одинъ рядъ красного кирпича и одинъ рядъ клинкера.

При такомъ устройствѣ работу надобно производить очень тщательно: кирпичъ смачивать не рукой, какъ привыкли дѣлать наши мастера, а опускать его на нѣсколько минутъ въ ушатъ съ водой, для того чтобъ онъ напитался водой досыта, и, когда его положить на глину, чтобы онъ не всасывалъ воду изъ глины. Швы дѣлать какъ можно тоньше, чтобы въ печи было какъ можно меньше сырой глины, которая, какъ извѣстно, трескается при первой же топкѣ. Если такую печь сдѣлать изъ самаго лучшаго кирпича, и сдѣлать тщательно и аккуратно, то небольшимъ количествомъ дровъ изъ нея можно добыть и скоро и много теплоты. Если при особенныхъ обстоятельствахъ въ комнатѣ нужно получить высокую температуру, то полезнѣе истопить печь понемногу два раза въ сутки, нежели нажарить сильно одинъ разъ. Мы не должны забывать, что такого рода печи, давая теплоту, даютъ постоянно въ то же время и чистый воздухъ. Это такое благо, о которомъ мы въ нашихъ квартирахъ съ голландскими печами и понятія не имѣемъ. Запертые вмѣстѣ съ печью въ комнатѣ безъ вентиляціи, мы должны сносить и всякіе запахи и угарь, и уйти-то отъ всѣхъ этихъ бѣдъ намъ некуда. При печахъ же, дающихъ

постоянно чистый воздухъ, мы навсегда будемъ избавлены и отъ запаховъ и отъ угаровъ.

Всякіе вентиляторы будутъ дѣйствовать при такихъ печахъ преисправно. Если мы и безъ вентилятора сдѣлаемъ гдѣ-нибудь въ стѣнѣ или въ окнѣ небольшое отверстие для выхода воздуха, то можемъ быть совершенно увѣрены, что въ это отверстие воздухъ непременно пойдетъ, потому что печь будетъ втягивать въ комнату постоянно новый запасъ воздуха. Подъ вліяніемъ такого стимула завертятся и всѣ тѣ колеса, о которыхъ мы говорили выше.

Отверстія въ стѣнѣ для выхода воздуха гораздо рациональнѣе дѣлать ближе къ полу, чтобъ изъ комнаты выносилась низшая температура, и тѣ газы, которые тяжелѣе воздуха и, слѣдовательно, всегда стелются по полу. Такъ мы совѣтуемъ дѣлать въ обыкновенныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ; но тамъ, гдѣ собирается въ одно время много людей, вентиляторы полезнѣе вставлять подъ потолкомъ, и даже въ самомъ потолкѣ, если надъ нимъ нѣтъ жилья; а каналъ, приводящій къ печи внѣшній атмосферный воздухъ и продолженіе его въ самой печи, гдѣ онъ нагревается, дѣлать гораздо шире. Само собою разумѣется, что въ такихъ обстоятельствахъ у душника обыкновеннаго мало: нужно вставлять или одинъ

— 16 —
большой душникъ съ топочныя дверцы величиною, или же нѣсколько обыкновенныхъ большаго калибра душниковъ.

Для притока къ печи вѣшняго воздуха, каналы дѣлаются различно, смотря по мѣстности, гдѣ строится печь. Его можно провести горизонтально по каменной стѣнѣ въ той же комнатѣ, гдѣ дѣлается печь, или чрезъ сосѣднюю комнату, можно сдѣлать подъ поломъ между балками или по потолку нижняго этажа. Наудобнѣе дѣлать его со двора чрезъ подвалъ, а оттуда пробить борозду въ стѣнѣ. Ширина канала должна быть около 15 квадратныхъ вершковъ. Нужно замѣтить, что каналы эти служатъ для теченія холоднаго воздуха, слѣдовательно ихъ можно дѣлать изъ дерева и, для плотности, а иногда и для благообразія, штукатурить, но непременно по войлоку. Къ наружному отверстию канала нужно придѣлывать задвижную дверцу, которою можно, смотря по надобности, уменьшать и увеличивать отверстіе. Въ томъ мѣстѣ печи, гдѣ притокъ холоднаго воздуха въ нее входитъ, слѣдуетъ вставлять душникъ или такія дверцы, какія употребляются для вычистки сажи. Когда случится морозъ болѣе 20°, то наружною задвижною дверцею можно значительно уменьшить отверстіе канала и въ то же время открыть душникъ или дверцы, вставленные при входѣ канала въ печь. Тогда во внутреннюю

— 17 —
нагрѣвательную часть печи будетъ входить немного вѣшняго воздуха съ морозомъ болѣе 20°, но съ теченіемъ очень быстрымъ, и вмѣстѣ съ нимъ воздухъ комнатный низшей температуры. Оба эти теченія наполняютъ нагрѣвательную часть печи и она будетъ продолжать давать комнатѣ обильную теплоту изъ верхняго душника.

Прочтя сказаніе наше о печахъ, нагрѣвающихъ воздухъ, читатель вѣроятно вспомнитъ, что во многихъ петербургскихъ домахъ есть пневматическія, такъ называемыя амосовскія печи, дающія изъ душниковъ воздухъ, вредный для дыханія. Дѣйствительно, такія печи есть; но мы знаемъ, что и круглыя печи, одѣтыя вмѣсто изразцовъ желѣзомъ, даютъ также запахъ и дѣлаютъ воздухъ вреднымъ для дыханія. Это дѣлается оттого, что горячее желѣзо, нагрѣвая воздухъ, лишаетъ его части содержаемаго имъ кислорода, и лишаетъ потому, что оно разлагается, а на разложеніе расходуется кислородъ. Если желѣзо совершенно чисто или покрыто какой-нибудь амальгамой и слѣдовательно мы можемъ почти положительно сказать, что оно не разлагается, то все-же воздухъ, нагрѣваемый сильно-разгоряченнымъ хорошимъ проводникомъ теплоты, не только нагрѣвается, но въ то же время и поджаривается. Когда мы положимъ ломтикъ бѣлаго хлѣба на кухонную плиту, то онъ скоро превратитъ

ся въ сухарь, если плита не очень горяча; если же она очень горяча, то ломтикъ подгоритъ. Совершенно то же происходитъ и съ воздухомъ, прикасающимся къ горячему желѣзу. Когда въ комнату внесутъ горячій утюгъ, то мы непременно почувствуемъ отъ него запахъ, хотя утюгъ такъ чистъ, что имъ гладятъ тончайшія кружева. Голландскія печи съ особыми каналами для нагрѣванія воздуха вовсе не имѣютъ тѣхъ свойствъ, съ которыми публика ознакомилась чрезъ печи амосовскія и другія, имѣющія металлическія, нагрѣвающія воздухъ поверхности. Но и простыя наши голландскія печи портятъ комнатный воздухъ, когда онѣ бываютъ сильно нагрѣты, между тѣмъ онѣ считаются совершенно безвредными, именно потому, что внѣшнія поверхности ихъ, отдѣляющія теплоту, не покрыты металломъ. Мы также не предлагаемъ ничего металлическаго и только указываемъ на возможность дать голландской печи большую способность нагрѣвать комнатный воздухъ, т. е., кромѣ внѣшнихъ нагрѣвающихъ плоскостей, образовать такія же плоскости и внутри печи. Печь съ такимъ устройствомъ нѣтъ надобности натапливать слишкомъ горячо: при большомъ количествѣ нагрѣвающихъ плоскостей она удовлетворитъ и при легкой топкѣ.

Тѣ же мастера, которые дѣлаютъ обще-

употребительныя наши комнатныя печи, могутъ сдѣлать ихъ и съ тѣмъ дополненіемъ, на которое мы указываемъ, но для этого они должны работать тщательно, такъ, какъ мы довольно подробно объяснили выше. Если бы простыя наши печи сдѣланы были хорошо, то, не вентилируя комнату, онѣ нагрѣвали бы ихъ по крайней мѣрѣ какъ слѣдуетъ, но и этой простой службы мы отъ нихъ добиться не можемъ, хотя и сожигаемъ непозволительныя количества дровъ. Комнатная печь всѣми внѣшними плоскостями своими должна удѣлять свою теплоту воздуху, ее окружающему; между тѣмъ, не смотря на большія размѣры нашихъ печей, въ нихъ очень мало такихъ плоскостей, потому что печные мастера наши ставятъ ихъ плотно къ стѣнамъ именно тѣми сторонами, которыя наиболѣе способны отдѣлять теплоту. Мы говоримъ *наиболѣе способны*, потому что стороны тѣ не одѣты толстыми изразцами и вслѣдствіе того бываютъ жарче. Чтобы получить отъ голландскихъ печей всю теплоту, какую онѣ въ состояніи дать, нужно ихъ дѣлать такъ, какъ дѣлали ихъ встарину, приглядываясь къ печамъ, сдѣланнымъ при Петрѣ I голландскими мастерами, т. е., чтобы печь не покоилась на сплошномъ фундаментѣ, какъ домъ, а стояла бы на столбикахъ (ножкахъ) и отдѣляла бы теплоту отъ нижней своей

горизонтальной плоскости, находящейся под *подомъ*, на которомъ дрова сгорѣли и слѣдовательно сильно его нагрѣли. Потомъ нужно, чтобы печь отстояла вершка на 2 или на 3 отъ стѣны со всѣхъ сторонъ и соединялась бы со стѣною только небольшою частью, сквозь которую долженъ выходить въ трубу дымъ. Всякій, кто вовсе не знаетъ печнаго дѣла, прочтя наше описаніе внѣшности простой голландской печи, найдетъ, что мы описали печь вовсе не хитрую, а между тѣмъ такую нехитрую печь едва-ли можно найти въ Петербургѣ, не смотря на то, что онъ городъ столичный, роскошный и холодный.

Особы и люди, прочитавшіе эту статью, непременно посмотрятъ съ новымъ вниманіемъ на свои неуклюжія печи и, убѣдясь, что онѣ дѣйствительно совсѣмъ не такія, какими должны бы быть, подумаютъ вопросительно: неужто въ самомъ дѣлѣ трудно сдѣлать печь какъ слѣдуетъ, и неужто для такого простаго дѣла во всемъ Петербургѣ есть одинъ только мастеръ? Мы, скрѣпя сердце, отвѣтимъ на такую предполагаемую думу: много есть въ Петербургѣ печныхъ мастеровъ, но способнаго сдѣлать то, что предлагается въ этой статькѣ, мы встрѣтили только одного. Можетъ быть, по нашей инициативѣ они разведутся; но до сихъ поръ всѣ наши печные мастера при-

выкли работать поскорѣе да кое-какъ, и скверную привычку эту они сдѣлали не по своей волѣ, а ихъ заставляютъ кое-какъ работать тѣ господа, которые даютъ имъ работу и стараются какъ можно дешевле заплатить. Это ложное понятіе объ экономіи со стороны потребителей, соединенное съ конкуренціей со стороны мастеровыхъ, довело цѣны за постройку печи до размѣровъ забавныхъ для того, кто понимаетъ печное дѣло и знаетъ что дѣйствительно можетъ стоить то количество времени, какое нужно употребить хорошему мастеру на складку хорошей печи.

Что означаютъ слова: *знаетъ что дѣйствительно можетъ стоить количество времени?* спросить, можетъ быть, читатель. Для знающихъ физику, но не знакомыхъ съ дѣломъ на практикѣ подчеркнутыя нами слова дѣйствительно могутъ показаться неясными, и мы постараемся объяснить ихъ. Кто нанимаетъ слугу за извѣстную плату въ мѣсяцъ, тотъ, говоря другими словами, покупаетъ у слуги мѣсяцъ его времени. Подрядчикъ, имѣющій артель печныхъ мастеровъ, нанимаетъ ихъ на весь рабочій сезонъ, т. е. на извѣстный періодъ времени, въ продолженіе котораго, кромѣ условленной платы, онъ долженъ давать мастеру все содержаніе: пишу, квартиру и проч. Всѣ расходы на плату мастеру и на его содержаніе составятъ из-

вѣстную сумму денегъ, а періодъ рабочаго времени имѣетъ извѣстное количество рабочихъ дней, за исключеніемъ праздниковъ. Если взять сумму денегъ, во что обходится подрядчику мастеръ, и раздѣлить ее на количество рабочихъ дней, то въ частномъ получится цѣна одного дня. Итакъ, если мы нанимаемъ подрядчика сдѣлать печь и условливаемся въ цѣнѣ, то само собою разумѣется, что подрядчикъ старается, чтобы мастеръ его какъ можно скорѣе кончилъ работу и употребилъ на нее какъ можно меньше тѣхъ дней, которыхъ цѣну подрядчикъ знаетъ твердо. Непремѣннымъ послѣдствіемъ такого рода подряда бываетъ поспѣшность, а она-то и есть самая вредная закваска нашихъ печей. Какими лучезарными добродѣтелями должны бы быть украшены тѣ подрядчики, которые, складывая печи поштучно, складывали бы ихъ тщательно и добросовѣстно! Такихъ добродѣтелей отъ подрядчиковъ ожидать неблагоприятно; но едва-ли неблагоприятно приглашать ихъ работать со штуки, получать печи, сдѣланные наскоро, кое-какъ, и потомъ сжигать въ нихъ безъ пользы свои же собственные деньги, превращенные въ дрова. Изъ того, что мы сказали, ясно, что печи слѣдуетъ дѣлать не со штуки, а покупать у подрядчика столько времени, т. е. брать у него мастера на столько дней, сколько ока-

жется нужнымъ, чтобы сложить печь безъ поспѣшности, а съ должнымъ тщаніемъ и толкомъ, и чтобы въ результатѣ явилась печь, дающая обильное тепло и не пожирающая обильно дрова. За такія печи прійдется заплатить не вдвое и не втрое, а гораздо дороже той цѣны, какую подрядчики берутъ за работу поштучно. Эта широкая плата будетъ не мотовство, а благо-разумное затрачиваніе капитала, который принесетъ очень хорошій процентъ, во-первыхъ, на дровахъ, которыхъ въ хорошей печи сгоритъ гораздо меньше, нежели въ плохой, и, во-вторыхъ, на ремонтѣ: хорошая печь, при умѣренной, но, между тѣмъ, совершенно удовлетворительной топкѣ, простоитъ лѣтъ 25; а сколько лѣтъ служатъ наши общеупотребительныя голландки, про то мы уже знаемъ по опыту. Къ этому нужно прибавить еще, что при хорошихъ печахъ мы будемъ постоянно пользоваться тепломъ и чистымъ воздухомъ. Сколько рублей можно дать за это послѣднее удобство, въ продолженіе длиннаго ряда зимъ, объ этомъ нужно спросить у тѣхъ, кого судьба надѣлила холодною и сырою квартирой.

Отопленіе и вентиляція суть предметы высшей важности въ устройствѣ зимнихъ нашихъ помѣщеній, и мы постараемся посвятить этимъ предметамъ особую кни-

жечку и написать ее такъ, чтобъ она была понятна нашимъ печнымъ мастерамъ, читающимъ покуда по складамъ.

Архитекторъ Соболищиковъ.

Изъ № 23 «Съв. Почты».